

Газета «Дмитровский вестник» печатает серию статей о судьбах монахов Николо-Пешношского монастыря в эпоху гонений. На страницах газеты напечатаны жития прославленных четырех новомучеников Пешноши, составленные игуменом Дамаскиным, и добавлены новые, впервые увидевшие свет, сведения о прославленных и непрославленных страдальцев за веру. Предлагаем Вашему вниманию :

Схиигумен Мефодий - Игумен Варнава (Жуков Сергей Васильевич) Жуков Сергей Васильевич родился в 1877 году в крестьянской семье в Тверской области в дер. Негодяево. Странное название «Негодяево», как предполагают специалисты по топонимике, произошло от негодности к службе в армии некоторых жителей этого села. Встречалась еще и такая транскрипция – Некодяево.

В основном в этом селе проживали ямщики. Здесь и родился Сергей с простой фамилией Жуков, оказавшийся не годным ни к семейному промыслу, ни к семейной жизни.

Сейчас деревни с таким названием нет – она тихо-мирно превратилась в деревню Тихомирово (Клинского района) по имени советского рабочего Тихомирова, который что-то такое сделал, за что его фамилию увековечили в названии деревни. Что он сделал – не хочется даже выяснять. Нет деревни Негодяево, нет и Христорождественского храма в селе Петровском, куда была приписана деревня Негодяево. В 50-х годах она была разобрана на кирпичи. И не боялись люди жить в домах из кирпичей разоренной церкви!

В 28 лет Сергей поступил в Николо-Пешношский монастырь.

Послужной список Николо-Пешношского монастыря от 1916 года гласит: Иеродиакон Варнава, из крестьян, обучался чтению и письму. Холост. Принят в число братства 30 мая 1905 года, пострижен в монахи 21 апреля 1914 года. Рукоположен в иеродиаконы 5 сентября 1914 года. В графе «каких качеств»: «поведения очень хорошего, способен и усерден.» По данным списка Сергей Васильевич Жуков только через 9 лет, в 1914 году пострижен в монахи с именем Варнава.

Но, согласно другим источникам, в монашество он был пострижен в первый же год послушнического искуса тайно, «ради обновления духа, по причине попущенного искушения», а через 9 лет облечен в мантию явно. Судя по его дальнейшей судьбе, наполненной страшными скорбями, это похоже на правду. Видимо, этот человек нес такой духовный потенциал, что диавол начал с ним воевать с самого начала монашеского пути, желая погубить в зародыше духовного человека.

Но у монаха Варнавы был духовный отец - игумен Ксенофонт, в схиме Онуфрий, муж духовный, с которым советовался будущий священномученик – епископ Дмитровский Серафим (Звездинский). Игумен Ксенофонт, выпестовавший будущего старца – схиеродиакона Александра (Жемкова), воспитал и сохранил среди монашеских бурь будущего мученика за веру схиигумена Мефодия (игумена Варнаву (Жукова)).

В 1922 году, после смерти духовного отца иеромонаха Варнавы – игумена Ксенофонта, перед смертью ставшего схиархимандритом Онуфрием, возле раки преп. Мефодия Пешношского братия монастыря избрала настоятелем иеромонаха Варнаву.

Поставление в игумены совершал Дмитровский епископ Серафим (Звездинский). В напутственном слове он сказал:»Возьми жезл. Прими его. Буря поднимает волны, море волнуется, тебе вручает Господь Свой корабль, Пешношскую обитель. Управляй кораблем как добрый кормчий. Вот и подводные камни, смотри, не сел бы на мель твой корабль, не разбился бы. Подводные камни – сердца братии обители , тебе врученной. Смотри зорко, зорко смотри...О, если бы ты знал, что тебя ждет на твоём посту, ты бы отдал сейчас мне обратно жезл, но нельзя этого сделать. Прими его и веди корабль к тихой пристани.» В ответ о. Варнава стал отказываться от игуменства» :Не по моим силам, Владыка святой, даешь мне послушание. Я простец и невежда, и силы мои немощны. Но епископ Серафим, благословляя, трижды осенил его крестом со словами:»Господь да укрепит тебя, Господь да помилует тебя.» (www.pstbi.ru)

Ко всем страшным внешним обстоятельствам существования монастыря в начале 20-х годов прибавилась еще и история, вполне в стиле древних патериков, но с элементами, присущими новому, «советскому» времени.

Мы читали в Патериках много раз о женщинах, пытавшихся соблазнить монахов, а когда это не получалось - то оклеветать их. И вот - похожая история, но в новейшем прочтении:

В 1923 году некая женщина, переодевшись в мужскую одежду, поступила в Николо-Пешношский монастырь под именем Алексея Добротолубова. Она втерлась в доверие к отцу игумену, сказав, что приходится родственником Патриарху Тихону, и стала келейником настоятеля. Братия заподозрили женственного «инока» в том, что «он» женского пола. Но игумен, по простоте и доверчивости, не слушал братию. Женщина оказалась непраздной. Она попыталась шантажировать игумена Варнаву, требуя воспитания ребенка, но была изгнана из монастыря. Эта история стала достоянием советской прессы. Затем последовал арест игумена и суд над ним (1924 год). Но даже советский суд оправдал игумена Варнаву, т.к. сроки беременности не совпадали со временем поступления лжемонаха в монастырь. Кстати, выяснилось, что эта авантюристка уже была замешана в подобной истории. Ее отправили на психиатрическую экспертизу. Игумен Варнава на суде несколько раз терял сознание и получил болезнь сердца в результате этого.

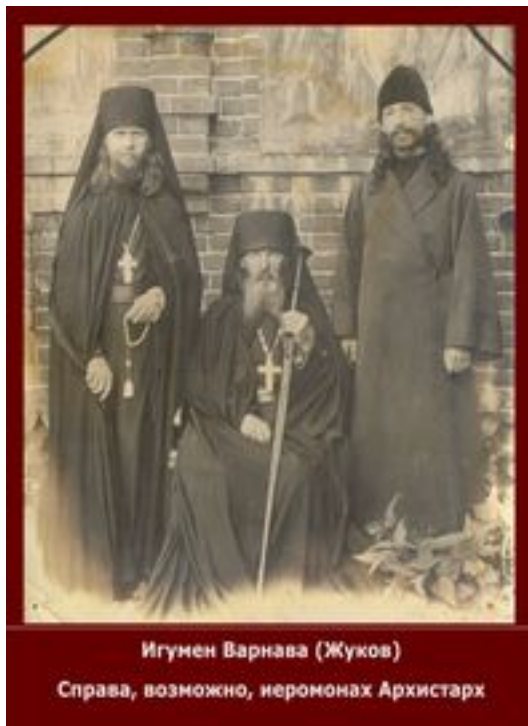
Самое интересное, что в 2005 году газета «Известия» повторила клевету 80-летней давности. В нашем обществе, где не стесняются писать в газетах о внебрачных сожителствах многочисленных звезд, смакуются подробности суда 1924 года над игуменом Варнавой, которого даже советский суд оправдал. Журналиста Сергея Нехамкина до сих пор волнует моральный облик игумена Варнавы, мученика за веру, нашего современника даже не знаем где и когда.

После суда 1924 года братия вновь избрала игумена Варнаву настоятелем монастыря. И он руководил монашеским обществом вплоть до 1929 года.

Что представлял тогда монастырь? Самые стойкие из братий продолжали свою монашескую жизнь в трудах, молитвах и воспитании внутреннего человека. Эти времена давали много поводов для насаждения в своем сердце высшей Христовой заповеди о любви к врагам. Ведь без покаяния, с осуждением, кажется, нельзя перенести то, что выпало на долю монашествующих в те времена и остаться монахом.

По данным ПСТГУ игумен Варнава примерно в 1927 году принимает схиму из рук епископа Серафима (Звездинского) с именем Мефодий. На музейном экземпляре книги «История общежительного монастыря чудотворца Николая, что на реке Пешноше» в конце есть такая запись: Николо-Пешношский монастырь в 1928 году 12 апреля (Вторник Страстной недели): все церкви запечатаны. В числах 2-7 мая снято все ценное и продано. Осталась лишь Дмитриевская церковь (церковь свят. Дмитрия Ростовского – прим. автора), как памятник искусства.

Последний игумен Варнава (Жуков)

Монахи до 1929 года еще жили на конном дворе, организовавшись в сельскохозяйственно-полевую артель под началом о.игумена.

Когда их выгнали и оттуда, игумен Варнава с иеромонахом Аристархом (Заглодиным-Кокоревым) переселяется на родину, в дер. Негодяево.

В апреле 1931 года иеромонаха Аристарха направляют служить в храм дер. Чернеево. Это спасло его от надвигающегося ареста, но ненадолго, как мы уже знаем из его жития.

Туда же, в дер. Негодяево, возвращаются две сестры Алексеевского московского женского монастыря после его закрытия: монахиня Ирина и монахиня Анастасия (сестры Зиновьевы Ирина Прохоровна и Анастасия Прохоровна), уроженки этой деревни.

Столько монахов на одну деревню! Советская власть не дремлет, и уже в 1931 году 29 мая о.Варнаву (Жукова), монахинь Ирину и Анастасию арестовывают по обвинению в «антисоветской агитации против мероприятий советской власти» и осуждают всех троих, может быть, было осуждено и большее число народа, по делу Варнавы (Жукова), присуждают 5 лет ИТЛ 10 июня 1931 года и заменяют их ссылкой в Казахстан. (Сведения из www.pstbi.ru и www.hram-ks.ru.sestry). Это сравнительно мягкая мера наказания. Но до места ссылки нужно следовать по этапу.

Так уже сложилось в нашей стране, что большинство населения знакомо с тюремной терминологией, слова «зэк», «этап» знакомы русскому уху. Но на самом деле, что такое «Этап», какое это мучение, слава Богу! мало кому знакомо.

Вот письмо схиигумена Мефодия (игумена Варнавы): «Я следовал по этапу. Нас в пересыльной тюрьме множество. Спали на сыром полу. У меня появилась экзема, весьма мучительная. Не знал, куда деваться. Молился Господу о помощи, молился всем святым, угоднику нашему Мефодию, просил старца своего архимандрита Онуфрия помочь мне, но помощи не получал. Стал призывать Владыку Серафима, прося исцелить тяжкий недуг. И что же, помощь посетила, зуд прошел, все облегчилось и успокоилось. Я тут же выздоровел».

В этом письме все удивляет: и теплая вера «угоднику нашему Мефодию (Пешношскому)», любовь к своему старцу - схиархимандриту Онуфрию, доверие к Владыке Серафиму (Звездинскому), и, самое главное, отсутствие какого бы то ни было ропота к Посылающему «огненное испытание».

*Вот что пишет Вера Королева, референт епархиальной комиссии по канонизации Казахстанской епархии: «Последовавшая новая волна репрессий начала 30-х годов ознаменована массовыми ссылками в Казахстан верных чад Русской Православной Церкви. Этот период совпал с началом процесса «коллективизации» т.е. уничтожением кочевого быта казахов, разорением дехканских кишлаков и крестьянских хозяйств русских переселенцев, что повлекло... невиданный за всю историю края голод, или, как его называли казахи, «великий джунт». Голод свирепствовал в степи и в 1931 году миллионы казахов бежали со своей родной земли от надвигающейся гибели и пути их были устланы трупами».

В такие нечеловеческие условия были направлены из России в Казахстан сотни тысяч

осужденных за веру во Христа архипастырей, пастырей, монашествующих, мирян, которые порой, не имея, где главу приклонить, вместе с коренным населением переживали все ужасы этого «великого джута».

Также и в последующие голодные 1932-33 годы на улицах городов Казахстана валялись трупы людей. Но это не беспокоило руководителей республики. Напротив, за оказание помощи ссыльному духовенству, приравненному к контрреволюционной деятельности, священномученики Александр, Стефан и Филипп из Николо-Чугурской церкви были арестованы и скончались в тюрьме от тифа.

В. Королева считает, что самая трагическая страница времен гонений, вписанная в историю Казахстанской Церкви, это история города Караганды, которая состоит из истории крестьян-спецпереселенцев и истории Карлага – Карагандинского лагеря НКВД.

52 тысячи крестьянских семей были сосланы в Карагандинскую область и брошены под открытым небом на произвол судьбы. Карлаг за годы своего существования 1931 - 1956 принял от 1,5 до 2 млн. человек. Условия были невыносимые. Ежедневно от болезней умирало по сотне человек, а в годы Великой Отечественной войны – по тысяче человек.

Насельники Карлага потом превращались в ссыльных, если выживали. А также ссыльные нередко становились насельниками Карлага.

Также в Караганде и ее окрестностях отбывали ссылку многие священники, монашествующие и миряне. Жили ссыльные в темных чуланах, землянках и сарайчиках, и каждые десять дней обязаны были отмечаться в комендатурах». Игумен Варнава (Жуков) и был таким ссыльным.

На наши запросы о судьбе игумена Варнавы в соответствующие ведомства Казахстана были получены два ответа. Один – «сведениями не обладаем», другой – из Карагандинского управления Комитета по правовой статистике – гласил следующее: «На Ваш запрос № 46 от 18 августа 2008 года информируем, что гр. Жуков (Варнава) Сергей Васильевич, 1877 года рождения, уроженец дер. Нигодяево Корчевского района Тверской губ., проживавший до ареста по месту рождения действительно, 10 июня 1931

года был осужден Заседанием Тройки (С большой буквы – так в документе! Автор) при ПП ОГПУ МО ст. 58-10 УК РСФСР к заключению в трудовой лагерь сроком на 5 лет с заменой на ссылку через ПП ОГПУ в Казахстан на тот же срок. Начало срока 29 мая 1931 года. 19 августа 1931 года был направлен в Акмолинск в распоряжение Акмолинского оперсектора ОГПУ.

Сведениями о его дальнейшей судьбе не располагаем, т.к. документов, подтверждающих факт его смерти в ссылке на поселении, либо освобождении из ссылки в материалах не обнаружены. Однако согласно наиболее поздним документам в январе 1933 года Жуков С.В. находился в ссылке на поселении на территории Карагандинского района Акмолинской обл. Другими сведениями не располагаем».

Могущественные организации другими сведениями не располагают.

В. Королева считает, что сведения до сих пор засекречены.

Но слова из Евангелия о том, что ничего нет тайного, чтобы не стало бы явным – это могущественнее всех могущественных организаций. И они исполнились и над рабом Божиим игуменом Варнавой.

Из далекого 1932 года, из казахстанских степей, из темного сарайчика или землянки доносится свет уже погасшей звезды – непобедимой веры уже умершего игумена Варнавы и его союзников, о которых мы знаем только фамилии. Эти разговоры записаны тайным агентом НКВД для, несомненно, недоброй цели. Но Промыслом Божиим таким образом мы можем узнать документально о состоянии духа страдальцев за веру.

*«Запись 19 декабря 1932 года. Беседа с Жуковым. Разговаривали о топливе, что приходится покупать уголь за свои деньги. «Вот я ходил в Караганду хлопотать об угле для топлива, не добился толку и стал просить ордер на покупку угля хотя бы за свои деньги. А оттуда шел и увидел – сидит казашка на дороге, а по дороге ехало много подвод русских и казахов, и никто не оказал ей помощи. Свой же народ казахи и то отказали в помощи. И, наверное, замерзла, бедная. Теперь, наверное, каждому приходится беспокоиться самому за себя. Прожил день – и слава Богу, а дальше – что будет, то и будет».

«4 января 1933 года. Беседа с Жуковым и Семеновым на его квартире: Семенов говорил, что «жить стало тяжело, холодно и голодно. А помощи нет ни от родных, ни от начальства и конца не предвидится. Ждали мы амнистии в октябре – ничего, погибать приходится здесь». Жуков, перебивая его, говорит: «Мы жили с тобой в России хорошо, а теперь надо пожить и худо, надо терпеть. Иоанн Златоуст тоже терпел, а вернули с ссылки и помер при храме. Может и нам приведет Бог видеть храм и Россию, надо молиться. Видно, Господь наказал нас за наши грехи, вот и потерпи без ропота».

Господь не посрамил упования раба Своего. Увидел еще и Родину, и храм схиигумен Мефодий.

Последние сведения о игумене Варнаве (схиигумене Мефодии) из книги «Молю о тех, кого Ты дал мне» – что он взял на себя духовное руководство духовными чадами расстрелянного Владыки Серафима (Звездинского) по их просьбе. Об этом свидетельствует духовное чадо сщмч. Серафима схимонахиня Иоанна (Патрикеева). Она встретила с игуменом Варнавой в Москве в 1938 году и пользовалась его духовным руководством до его смерти. Она общалась с ним еще в 1942 году. Точную дату смерти игумена Варнавы (в схиме – Мефодия) она в своих воспоминаниях не указывает, но можно предположить, что смерть игумена Варнавы произошла вскоре после 1942 года.

Интересные сведения сообщил настоятель храмового комплекса в селе Завидово Тверской обл. митрофорный протоиерей Валерий Ильин.

О. Валерий, сам завидовский, был в детстве наставлен в вере и благочестии монахинями из разогнанных монастырей. В том числе рядом с селом Завидово жили монашеской общиной бывшие насельницы Свято-Троицкого Александро - Невского монастыря из села Акатово Клинского района. Эти исповедницы Христовой веры – инокиня Ксения Зайцева, ин. Александра (Барабанова), ин Параскева (Зимарева), ин. Евдокия (Добрякова), впоследствии монахиня Евфимия и схимонахиня Мефодия (Клыкова), вернувшись из ссылок и лагерей, помогали в храмах. Помяни их имена, благочестивый читатель!

У одной из них – Любви Дмитриевне Клыковой (схимонахини Мефодии), впоследствии переехавшей в свой домик в деревню Паники, жил игумен Варнава (схиигумен Мефодий), сообщил прот. Валерий.

Автор по милости Божией побывала в деревне Паники в ноябре 2009 года. Эту деревню не просто найти, на карте она не нашлась, видимо, потому, что она состоит всего из нескольких домов.

Деревня Паники - благословенное Богом место, потому что в этой деревне обрели в ветвях липы в 90-х годах XIX века икону Спаса Нерукотворного Образа. Для явленной иконы была построена часовня, уничтоженная в 60-х годах XX века двумя выродками, о которых жители с чувством удовлетворенной справедливости говорят, что они плохо кончили.

Икона пропала. Место, где стояла часовня, найти можно, там вновь залит фундамент, но липу, принявшую икону, спилили. Недалеко от часовни стоит облупленный могильный крест. Как автору поведала одна из жительниц, возле часовни похоронено три священнослужителя. Шевельнулась надежда, что мы обретем место упокоения последнего Пешношского игумена. Но надежда не оправдалась.

Зато автор побывала в домике «монашки тети Любы» (так до сих пор называется этот домик), в котором скрывался игумен Варнава. В этом доме теперь живет внучатый племянник тети Любы (схимонахини Мефодии) - Юрий Николаевич Палкин. Он нам показал фотографию своей родственницы. Строгая, чистая девушка в женственных одеждах XIX века еще не знает своего огненного монашеского будущего.

Юрий Николаевич показал нам подпол, в котором прятался «Батюшка Варнава», как он его называет. Автор заглянула в этот подпол, он оказался мелкий, там можно только или сидеть на корточках, или лежать. Так вот, сидел, а скорее всего, лежал пожилой уже игумен Варнава в холодном «подполье» частенько, когда приходил кто-нибудь, кто мог донести.

Еще Юрий Николаевич помнит, как тетя Люба каждый вечер стояла с четками перед иконами, и как 28 августа каждый год они с тетей Любой ходили в часовню. 28 августа – канун праздника Спаса Нерукотворного.

Галина, жительница Паник, вспоминала, что «монашка тетя Люба» жила с сестрой тетей Пашей (видно, уже после смерти игумена Варнавы - прим. автора), тетя Паша «маленько

поддавала», но боялась в этом состоянии показаться тете Любе, потому что та очень расстраивалась.

Юрий Николаевич не чужд этому национальному недостатку, но в домике нестандартно чисто и сам дом ухоженный. Он не хочет уезжать из этого домика, хоть и недовольна жена, живущая в цивилизованном Клину. «А на кого я это все оставляю?» - задает риторический вопрос Юрий Николаевич. Вот так и выясняется истина, которая не понятна ни жене, ни остальному народонаселению Паники. Юрий Николаевич – он Хранитель, а хранит он намоленный дом, хранит в своей душе веру православную.

Мы съездили на могилу схимонахини Мефодии. Кто-то на кладбище пилил деревья и дерево, упав, сломало оградку, и надо же, именно там, где скромный крест с надписью «Любовь Дмитриевна Клыкова. 1897 – 1975 дер. Паника». Какое-то особенное чувство оставила Любовь Дмитриевна Клыкова – схимонахиня Мефодия - в душах людей, ее помнящих. Так старые духи, уже выветрившиеся, вдруг пахнут от какого-нибудь рваного кусочка старых кружев.

Что же это за благоухание личности « монашки тети Любы»? Это благоухание иночества, иного образа жизни, иного образа мыслей, благоухание души Христовой невесты.

«Тетя Люба» несла еще один подвиг, кроме монашеского – подвиг, который нам, русским людям, как-то генетически понятен – «сам погибай, а товарища выручай». Она прятала у себя своего духовного отца – игумена Варнаву. В то время это могло ей стоить жизни.

А игумен Варнава, в свою очередь, нес еще один подвиг в своей жизни. Об этом мы узнали от протоиерея Валерия Ильина. 65-летний схиигумен Мефодий в 1941 году, когда в Тверской (тогда Калининской) области проходили тяжелые бои, ухаживал за ранеными солдатами и даже стирал им портянки. Его сердце не могло видеть спокойно страдания людей.

Мы спросили у жителей Паники, где проходили бои. «Вон там, недалеко, в деревне Рябинки», - ответила нам Галина.

Оказалось, что Рябинки – это населенный пункт, вошедший в историю. Цитата: « С 6 по 8 декабря 1941 года соединения 31-й армии вели напряженные бои .В этот же день в бою под деревней Рябинки, что недалеко от села Завидово, спасая бойцов своей роты сержант Вячеслав Викторович Васильковский бросается на амбразуру немецкого дзота на пулемет.

В.В. Васильковский был посмертно награжден орденом Ленина. В те дни героизм был массовым.

Наступление проходило в обстановке превосходства вражеской авиации.

Бомбардировщики группами по 10-18 самолетов днем и ночью бомбили боевые порядки и переправы через Волгу». Рябинки остались в истории, потому что молодой сержант Вячеслав Васильковский закрыл своим телом амбразуру вражеского дота в боях под этой деревней. Этот подвиг, скорее всего, был первый подвиг такого рода в истории Великой Отечественной войны. В деревне Рябинки в 30-тиградусные морозы в декабре 1941 года, под непрерывной бомбежкой, схиигумен Мефодий оказывал помощь раненым солдатам.

Мы спросили у Юрия Николаевича: «Куда делся батюшка Варнава?» Он четко, по военному, ответил :»Ушел в неизвестном направлении. Так сказала тетя Люба».

Здесь все загадка, потому что, когда происходил этот разговор, Юрий Николаевич не помнит. Может быть, тетя Люба не захотела из-за конспиративных соображений сказать своему племяннику правду. Ведь в те времена, такие случаи известны, даже умерших монахов откапывали представители органов, чтобы потом перезахоронить в братской могиле или в неизвестном месте. Время отшествия ко Господу игумена Варнавы точно не известно. Скорее всего, оно последовало в 1943 году. Это следует из воспоминаний духовной дочери сщмч Серафима (Звездинского) схимонахини Иоанны (Патрикеевой)* . Она пишет, что игумен Варнава 28 декабря 1942 года «пожелал сделать открытым ее постриг». А дальше в ее воспоминаниях идет речь о ее новом духовнике – о. Александре (Фелицине), под чье руководство она перешла в связи со смертью игумена Варнавы. Вот пока все сведения о игумене Варнаве (схиигумене Мефодии).

Жители дер. Паники поведали еще одну удивительную вещь, что недалеко от дер. Паники ушел под землю монастырь. «Там сейчас болото, где гнездятся утки»,- сказала нам Галина. Скорее всего, это – красивая легенда. Но под каждой легендой есть какое-то основание.

Ушедший под землю монастырь как-то сплелся с игуменом Варнавой, «ушедшим в

неизвестном направлении».

Впрочем, направление игумена Варнавы, в схиме Мефодия, выстроенное всей его мученической и преподобной жизнью, ясно, это - Царство Небесное, где «праведники просветятся как солнце».

Хотелось бы узнать, где упокоилось тело мученика за веру игумена Варнавы (схиигумена Мефодия). Но как Бог даст.

А для загробной участи игумена Варнавы (в схиме Мефодия) важно только то, сохранил ли он свою православную веру и монашеские обеты.

Верим, что сохранил. Немного людей в задушевных разговорах в страшных обстоятельствах ссылки проявляют такую веру. И вообще, вся его жизнь – со Христом и следование за Христом. Таких людей называют исповедниками. Жизнь его – это житие мученика и преподобного.

Душа его, верим, находится в Небесном Отечестве и радуется тому, что в его земном Отечестве возрождается Православная вера, восстанавливается его родная обитель - Николо-Пешношский монастырь. Верим, что он молится за нас.

Источники: Послужной список монашествующих Николо-Пешношского монастыря за 1916 год (ЦИАМ Ф. 1371 оп.1 д.

Вера Королева: «Земля Казахстана и ее святые покровители» 24.02.2004 (ww.orthodox.kz/artikle.php?razd)

Схиигумен Мефодий - Игумен Варнава (Жуков)

Автор: Татьяна Ананьева
14.09.2010 17:25

---

www.pstbi.ru.bin.db.exe

www.hram-ks.ru.sestry